

Корниль Генри

**Воспоминания о Востоке Г.
Корниля**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г34

Г34 **Генри К.**
Воспоминания о Востоке Г. Корниля / Корниль Генри – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 226 с.

ISBN 978-5-519-90381-3

ISBN 978-5-519-90381-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

судьбу свою, копорая шакъ слаба, шакъ непрочна.

Полночь. Мы были прошивъ Корсики, колыбели великаго челоуѣка. Тамъ Бонапарте въ безвѣстности считалъ первые годы жизни своей. Онъ, рожденный на утесѣ, долженъ былъ на другомъ концѣ міра кончить дни свои также на утесѣ. Уединенный въ своемъ рожденіи, въ своей славѣ, въ своей смерти, онъ долженъ былъ возрасти, неподвижный, какъ утесы, среди народа измѣнчиваго, какъ эти волны, близъ копорыхъ онъ спокойно проводилъ дни своего дѣтства. Подъ кровомъ родительскимъ онъ готовился видѣть, какъ вѣтры и бури въ безсиліи будутъ умирать у ногъ его. . . . Что говорю я? Не предъ нашими ли глазами Эльба, Эльба, куда Европа сослала своего покорителя, Эльба, копорая была предвѣстницей Святой Елены?

И въ судьбѣ Бонапарта были также свои превратности! Это имя, начертанное побѣдою на равнинахъ Италійскихъ, на вершинахъ пирамидъ и на всѣхъ концахъ Европы, это имя должно было быть бѣд-

ствіемъ начертано на пустынныхъ пескахъ на берегахъ Атлантическаго океана!

Совершенное безвѣтріе при дня удерживаетъ насъ у залива Неаполипанскаго. Наконецъ Этна выказывается въ небѣ. Вошъ мы между Сцилою и Харибдою, двумя пучинами, споль страшными нѣкогда, которыя оспались теперь для міра одною припчею.

Благодаря опытному лоцману, мы входимъ наконецъ въ проливъ. Съ одной стороны горы Калабріи, дикія, сѣровапыя; съ другой Мессина съ своими холмами, расположенными уступами, съ лазурнымъ опливомъ. Мы тихо проѣзжаемъ около этого поэтическаго предвѣрія къ Воспочному міру.

Ночь мало по малу скрываетъ пѣжныя и воздушныя краски, покрывающія берега Сициліи. Мессина скрывается отъ глазъ нашихъ, и на берегъ можно различать одни только дрожащіе огоньки, безмолвные какъ звѣзды.

Въ это время все — покой; только на дальнемъ берегѣ мыса Пелларо (Pellaro) видѣются безчисленные факелы, которые,

кажется, двигаются въ два ряда, попомъ скрываются за горами; печальные звуки поражаютъ нашъ слухъ: это погребальное шествіе.

Рыбаки возвращаются въ гавань съ пѣснями; небо ясно и пестро; луна поднимаетъ рога свои надъ Эпною и возвращаетъ на эпии очаровательные берега выраженія радости и веселія, которое на время замѣнили слишкомъ густыя тѣни.

Мы бросили якорь въ Зантской гавани, лучшей изъ всѣхъ другихъ. Островъ эпопъ уже не та славная Виргиліева *temorosa Zacynthos*; горы его дики и голы. Однакожъ онъ изобилуетъ виноградомъ, вывезеннымъ изъ Коринѳа, которымъ и отправляетъ значительную торговлю.

Передъ самымъ въѣздомъ въ Морею, мы узнали, что заразительныя лихорадки открылись нѣсколько дней въ Паптраѣ. Не слишкомъ любопытствуя познакомиться съ заразою, мы опложили путешествіе въ Грецію, и, слѣдуя за нашею Славонскою бригаптиною, поплыли къ Конспантинополю.

Наваринъ, Модонъ, Коронъ и синія Аркадскія горы рисуются вдали. Чериго, древняя Ципера, теперь дикій, забытый утесъ; Венеція долгое время перевозила на него изгнанниковъ своихъ.

Морскіе разбойники Архипелага начинаютъ показываться; ихъ примѣчаемъ мы время отъ времени; они огибаютъ берега острововъ. Они многочисленны, разѣжаютъ въ небольшихъ лодкахъ и всегда прячутся. Капитанъ приказалъ зарядить пушки и роздалъ ружья экипажу, который долженъ будетъ, въ случаѣ abordage, пользоваться ими.

Противные вѣтры удерживаютъ насъ при входѣ въ Дарданелы. Мы бросили якорь среди множества торговыхъ судовъ, споявшихъ, подобно намъ, у вѣроу Турціи. Наконецъ мы движемся всѣ вмѣстѣ, какъ морское войско.

Флотъ Мусульманскій расположенъ въ срединѣ пролива; Капитанъ-Паша, который командуетъ имъ, молодой любезный человекъ, какъ говорятъ. Бывъ долгое время рабомъ

Сераскира, онъ занимаетъ теперь важное мѣсто; но, по возвращеніи ему, быть можетъ, придется уступить кормило другому и быть когда-нибудь тѣмъ, чѣмъ эпопъ старый, попавшій въ немилость Капишанъ, который продаетъ всякую мелочь въ Испамбуль (*), счастливъ еще тѣмъ, что не оставилъ головы съ почестями, богатствами и женами своими.

Флопъ эпопъ спрашиваетъ наши паспорта; это передняя таможня Констанцинопольская. Чтобы избѣжать эпихъ наружностей, мореходцы поднимаютъ Русскій флагъ, предъ которымъ флагъ Турецкій склоняетъ свой флагъ и смиряется.

Полночь. Мы снова бросили якорь въ окрестностяхъ Галапы, несчастной деревушки, расположенной на границахъ Европы. Когда мы сошли на землю, насъ осадили тысячи змѣй, принудившія насъ отступить.

(*) Такъ Турки называютъ Царь-градъ.

Остановившись въ третій разъ близъ Галлиполи, мы пробѣгаемъ эпопъ островъ города, деревянные дома котораго ждуть только малѣйшаго удара вѣтра, чѣобы развалились. Ихъ можно принять за пустыи: такъ жители рѣдки и разсѣянны. Двѣ или три гостинныхъ (кофейни), гдѣ Мусульманинъ, куря свой кальянъ, велитъ бритъ себя голову. Древняя Генуэзская башня покрыва плуемъ и голубыми цвѣтами; нѣсколько оборванныхъ солдатъ, которые проходятъ съ трубною въ рукахъ—вопъ все. Дикое и гористое поле производитъ одни шелковичные, хлопчатой бумаги и шерновые кусы.

Наконецъ мы входимъ въ Мраморное море.

Къ вечеру поднялся сильный шквалъ; къ разсвѣсу мы завидѣли землю.

Вопъ онъ Мусульманскій городъ! Гуманъ разсѣивается; весь экипажъ на палубѣ.

Капитанъ нашъ надѣлъ свое праздничное платье и шляпу по модѣ 1820 года; онъ увидитъ свою любимую жену, которую оставилъ больную въ Перѣ осьмнадцать мѣсяцевъ назадъ.

Безъ сомнѣнiя, нашъ Австрiйскiй Улиссъ найдетъ свою Пенелопу вѣрною и чистою, какъ голубица; но, быть можетъ, какъ возлѣ Царицы Ипакiйской, найдетъ онъ около нея толпу поклонниковъ. Что сдѣлаетъ она, бѣдная женщина, одна, чтобы отдѣлаться отъ преслѣдованiя ихъ? Спало ли у нея терпѣнiя пряхти паруса и сучить веревки?

Право, странно видѣть, какъ эпопъ несчастный супругъ не сводитъ глазъ своихъ съ вершинъ минаретовъ. Подумаешь, что онъ выспрашиваетъ ихъ заботливо, точно предвѣщанiя у спорожа. Берегись! Пусть не слепятъ съ нихъ вороны! Любовь сузверна, всего болѣе любовь супружеская.

Минареты эти выказываются издалека за окружною чертою, обрисовывающею морской небосклонъ; они какъ бы поставлены для того, чтобы возвѣщать о столицѣ Магомета. Каждый городъ, каждый народъ имѣетъ свои особенныя черпы, свои особенныя вывѣски. Въ Истамбулѣ — это высокая, остроконечная башня, похожая на исполинскую свѣчу; въ Римѣ — это величественный

вуполь, поддерживающій въ воздухѣ крестъ;
въ Аѳинахъ—Минерва; въ Спартѣ—щипъ; въ
Парижѣ—знамя; въ Москвѣ—Иванъ Великій.

Но мѣръ того, какъ мы приближались,
картина проясняется. Сполица Босфора
раскрывается; по—чудесное видѣніе.

Испамбуль, Скупари, эти двѣ окончено-
сти земли, выходящія среди волнъ съ свои-
ми городами; эпа смѣсь сѣрыхъ и красныхъ
домовъ, раздѣленныхъ кипарисами и кедрами;
это множесиво куполовъ съ башнями и
золочеными спицами; эпѣ холмы, внупри
загроможденные разноцвѣтными кіосками;
этопѣ лѣсъ мачтъ, увѣшанныхъ флагами
всѣхъ націй; эти легкія и быстрыя лодочки,
которыя пересѣкаются и смѣшиваются, на-
клонясь подъ бѣлымъ парусомъ; это бле-
стящее, роскошное небо, котораго оппѣн-
ки при разсвѣтѣ, кажется, спановяпся еще
пѣжнѣе опѣ упренныхъ шумановъ; наконецъ
вся эта живая и разнообразная громада, вы-
казывающаяся послѣ безмолвія и однообра-
зія моря; все это увлекало меня изумленіемъ
полнымъ воспорга.

При входѣ въ гавань, мы едва не были раздавлены бортомъ Греческой бригапинны, несшейся на всѣхъ парусахъ. Мы бы всё пропали, мы были бы раздавлены безъ присутствія духа вѣраго Капитана, который выручилъ насъ изъ бѣды. Бригъ прошелъ мимо насъ со свистомъ и раздробилъ носъ нашего корабля.

Мы были тогда противъ этого удивительнаго амфицеатра, который по справедливости называется лучшимъ мѣстоположеніемъ въ свѣтѣ.

Наконецъ я увижу, я изучу этотъ странный народъ; этотъ народъ, который, вышедъ изъ сердца Аравіи, покорилъ силою оружія двѣ большія половины свѣта, и едва не простеръ своихъ завоеваній до самаго Запада. Послѣдователи человека, который одинъ правилъ ими силою генія и обольщеніемъ мужества, Мусульмане, казалось, приняли за божество одну только побѣду и славу. Любовь мало значила въ сердцахъ ихъ; они считали бы себя униженными, если бы дошли до этой жизни вздоховъ и рабства, ко-

пюрой образованная Европа покоряется, какъ бы по какому-нибудь чародѣйству; до этой нѣги и бездѣйствія, среди которыхъ ослабѣваетъ сила и могущество побѣдителей.

Офицеръ на гавани пришелъ допрашивать насъ. Если бы мы были въ Смирнѣ, гдѣ чума царствовала уже съ мѣсяцъ, мы бы могли сойти на берегъ, но товары наши должны были бы выдержать трехдневный карантинъ; постановленіе, выгодное для путешественника, хотя и не слишкомъ благонадежное для общественнаго благодѣйствія, и вмѣстѣ спрaшное, созданное для того, чтобы согласить настоятельныя требованія иностранныхъ посланниковъ съ безопасностію Турковъ.

Былъ полдень. Въ это время Иманъ всѣхъ мечетей показываются на высокихъ галлереяхъ минаретовъ, чтобы приглашать правовѣрныхъ къ молитвѣ. Ихъ едва можно различать; но смѣшанные голоса ихъ составляютъ какой-то воздушный концертъ, котораго важныя и протяжныя звуки, разливаясь надъ городомъ, придають ему въ это